

МАЛЕНЬКІЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Петербургъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ постановки „На днѣ“ Горькаго на сценѣ Александринскаго театра.

Говорятъ, даже декорации были уже изготовлены и разучивались роли къ бенефису В. Далматова.

Конечно, былъ бы полный сборъ по самымъ повышеннымъ цѣнамъ, можно было повторять спектакль подъ рядъ каждый день недѣли двѣ-три, пока весь Петербургъ не пересмотритъ.

Постановкѣ предшествовала молва. Колоссальный успѣхъ въ Москвѣ, восхвалительныя рецензіи въ газетахъ, фельетоны Дорошевича... Успѣхъ за-границей, въ Германіи, Австріи, Англии. Берлинская газета сравниваетъ Горькаго съ Шиллеромъ, пишутся цѣлыя философскіе трактаты о томъ, что хотѣлъ сказать авторъ.

Петербургъ былъ подготовленъ, воображеніе раздражено, на бенефисъ Далматова записывались чуть не за два мѣсяца.

И вдругъ: „На днѣ“ не дозволено въ Императорскихъ театрахъ, а въ частныхъ, быть можетъ, не хочетъ ставить самъ Горькій. По крайней мѣрѣ, ничего не слышно объ этомъ ни въ Маломъ театрѣ г. Суворина, ни въ храмѣ Мельпомены, основанномъ на Мойкѣ г-жею Яворской, alias княгиней Барятинской.

Да оно, пожалуй, и не къ лицу этимъ театрамъ. У Суворина умѣстишь разныя „Сны Усладъ“, да современная декаденщина гг. Фальковскихъ, Ярцевыхъ и друг., не могущихъ сказать ничего новаго послѣ „Трехъ сестеръ“ и „Дѣтей Ванюшина“ и потому подающихъ тѣ-же мотивы подъ символическими соусами зеленопятистаго и желтофіолетоваго цвѣтовъ. Нынче эти изумительныя пьесы пекутъ, какъ блины, и, чѣмъ больше зрители не понимаютъ, что происходитъ на сценѣ, тѣмъ больше овацій и аплодисментовъ.

Такия попадаются „дѣйствія“, что и публика и актеры, и самъ бѣдный авторъ становятся втупикъ:

— Кто? Кого? Почему? За что?

Никто ничего не понимаетъ, въ антрактахъ всѣ ходятъ какъ обалдѣлые, актеры боятся отъ конфуза смотрѣть другъ на друга, авторъ сидитъ въ ложѣ и смотритъ, скосивъ глаза, на кончикъ пальца.

— Неужели точно я это написалъ? А вдругъ кто-нибудь изъ знакомыхъ спроситъ, потребуетъ объясненія? Что мнѣ тогда сказать, когда я самъ ничего не понимаю?

И бѣдный авторъ сидитъ блѣдный, обливаясь холоднымъ потомъ, а на вызовы публики подходитъ къ рампѣ съ печальнымъ видомъ маринованной кильки.

Ежели въ этой лиловое настроеніе допустить Горькаго, это что же такое будетъ?

Вродѣ разрывнаго снаряда, отъ котораго полетятъ кувыркомъ всѣ декадентскіе символы, говорящія души и страдающіе Флюиды.

Г-жа Яворская, alias княгиня Барятинская, занята больше постановкой пьесъ князя Барятинскаго. Князь пишетъ, а княгиня играетъ.

И оба мечтаютъ лишь объ одномъ, чтобы не отстать отъ современныхъ вѣяній, и посему упражняются въ незрѣломъ либерализмѣ.

Заигрываютъ съ молодежью, думая привлечь ее крикливыми фразами, гражданской слезой и порывомъ гражданскихъ добродѣтелей.

Но серьезной молодежи либеральныя завыванія надоѣли, а потому публика „Новаго театра“ составляетъ кое изъ какихъ желторотыхъ юнцовъ да психопатическихъ старыхъ дѣвъ съ небрежной шевелюрой и очками на носу.

Шутники говорятъ, что въ „Последнемъ Ивановѣ“, драмѣ Барятинскаго, княжескій либерализмъ дошелъ до того, что героиня — еврейка, торгующая на рынкѣ, но все-таки авторъ нашелъ нужнымъ ее... окрестить.

Когда стало извѣстнымъ, что „На днѣ“ петербуржцамъ не увидать до Великаго поста — общаесть пріѣхать на гастроли московскій Художественный театръ — всѣ бросились покупать книжку.

— Не увидимъ, такъ хоть прочтемъ.

И вотъ тутъ произошло нѣчто странное, совсѣмъ неожиданное. „На днѣ“ не сказать чтобы повалилось, многіе стали говорить, что

„Мѣщане“ гораздо стоятъ выше и съ художественной стороны и по глубинѣ идеи.

Мнѣніе это далеко не единичное. Прочитавшіе „На днѣ“, схватившіеся за книгу съ величайшимъ интересомъ, сильно разочаровались.

Если самъ Горькій говоритъ, что „Мѣщане“ на сценѣ скучные, то „На днѣ“ скучно въ чтеніи. Скучно не для правданаго только читателя, но и для человѣка, ищущаго въ литературномъ произведеніи глубокаго смысла, новой идеи.

Какъ-же объяснить тогда колоссальный успѣхъ въ Москвѣ и за-границей?

Дѣло въ томъ, что въ „Мѣщанахъ“ Горькій далъ настоящее художественное произведение, только приспособленное къ сценѣ. „На днѣ“— либретто драмы, которую такъ-же скучно читать какъ либретто оперы. „На днѣ“—великолепная канва для талантливыхъ и вдумчивыхъ актеровъ. Эффекты на сценѣ должны достигать поразительной силы, но въ книжкѣ это какіе то страстные горячіе монологи, мѣстами достигающіе шекспировской силы, но монологи, разорванные на мелкіе куски, изъ которыхъ лишь часть попала въ книгу. Все остальное—дѣло актеровъ и сценической иллюзіи.

Не авторъ захватываетъ своимъ произведеніемъ актеровъ и проторяетъ путь для ихъ природнаго таланта. Нѣтъ, авторъ только режиссеръ, онъ начерталъ планъ, разставилъ вѣхи, бросилъ нѣсколько сильныхъ словъ, глубокихъ мыслей, а остальное все уступилъ актеру.

— Иди, тебѣ предоставлена полная свобода и если ты талантъ, если ты умѣешь творить, зрители дрогнуть отъ моихъ словъ, переданныхъ черезъ твои уста.

Быть можетъ такъ теперь и нужно, нужно выдвинуть актера, а драматическій писатель только скромно дирижируетъ за кулисами.

Пока я не увижу пьесы на сценѣ, не берусь объ ней писать.

Скажу одно: только очень талантливые, умные и литературно-образованные актеры могутъ создать на сценѣ эту полную человѣческихъ страданій страничку изъ жизни людей, упавшихъ на дно.

Посредственный исполнитель, какія-нибудь малограмотныя дарованія не сдѣлаютъ ровно ничего изъ драмы Горькаго. Выйдетъ сумбуръ, нелѣпица, передача отрывочнаго либретто.

Но чтеніе „На днѣ“ вызвало у меня особую мысль о талантѣ Горькаго.

Въ авторѣ картинъ ночлежнаго дома чувствуется огромная сила, которой нѣтъ простора, которая сама себя душитъ и давитъ. Это скованный титанъ, едва шевелящій своими несвободными членами.

И не условія сцены, не новая драматическая школа мѣшаютъ здѣсь пойти таланту и въ ширь и въ глубь... Здѣсь мѣшаетъ что то другое, но властное, огромное, и мощнаго титана обращающее въ жалкаго пигмея-раба.

Мнѣ вѣжется, что Горькій могъ бы написать общечеловѣческую бессмертную драму симонлогами, въ которыхъ слышалась бы звенящая мѣдь призывнаго колокола... Романтикъ, въ лучшемъ и высокомъ значеніи этого слова, проповѣдникъ во имя человѣческой личности, Гезекииль, обличающій неправду человѣческой жизни, апостоль духовой красоты—М. Горькій могъ бы создать въ драмѣ трибуну, съ которой страстнымъ, кипящимъ потокомъ полились бы слова во имя человѣка и въ обличеніе всего, что унижаетъ человѣческую правду...

А теперь Горькій пишетъ отрывочныя либретто, и чувствуется, какъ за этими немногими словами, за полуочерченными образами выступаютъ иныя слова, иныя герои—люди. Тамъ гдѣ то въ глубинѣ бьется большое сердце, пламенѣетъ мысль, и какъ отдаленный рожокъ грома, звучитъ слабымъ эхомъ невысказанное могучее слово.

Сергѣй Соломинъ.